СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРА

М.Б Канапацкий
БГПУ (Минск)

Динамика социального развития предполагает постоянные изменения в различных сферах обществ, неизбежно приводят к культурным девиациям. Современная европейская цивилизация развивается под влиянием американской массовой культуры. Под влиянием ее культурных образцов существенно меняется облик европейской культуры.

Достигнув сравнительно высокого уровня экономического развития Европа пошла по пути интеграции, унификации моделей социального и культурного развития. В этих условиях обнаружились серьезные противоречия, которые поставили под сомнение дальнейшее развитие европейской цивилизации. Эти противоречия возникают на разных уровнях развития общества, что является своеобразной реакцией традиционной культуры на единую унифицированную модель.

Американский исследователь Ф. Бох, исследуя культурное взаимодействие, указывал на ограниченность культурных ориентаций в однородной социальной группе. В тоже время, пребывание в чужом обществе, в инокультурной ситуации, может способствовать культурной конфронтации.

Культурная дезориентированность, отчужденность на личностном уровне перерастает в противостояние между отдельными личностями и группой, личностью и обществом, группой и обществом, между разными обществами.

Культурное противостояние – культурный конфликт разительно отличается от иных видов конфликта. Культурный конфликт специфичен именно своей идеологичной обусловленностью, несовместимостью оценочных позиций, мировоззрения и религиозных установок.

Объединение Европы, европейская интеграция выявило сложные проблемы, которые оказывают существенное влияние на процесс европейской интеграции. Это, прежде всего, отношения стран «старой Европы» с новыми членами, с эмигрантами, наводнившими Европу.

Новые страны пытаются всячески усилить свои позиции в евроструктурах посредством наложения вето на отношения Европы с третьими странами. К примеру, неуступчивая позиция Польши по вопросу заключения газового соглашения с Россией. Неуступчивая позиция отдельных стран оказала существенное влияние на принятие Европейской конституции, спровоцировала рост националистических настроений.

Старая Европа, хотя и инициирует приоритет интернационального в этнокультуре, но национальный фактор все же доминирует в скандинавских странах и Ирландии. Некогда стабильная в национальном плане Великобритания вынуждена решать актуальные национальные проблемы Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии. Ценой невероятных усилий посредников удалось усадить за стол переговоров враждующие стороны протестантов и католиков и вынудить их согласиться на создание коалиционного правительства.

Такая страна как Бельгия стоит перед опасностью развала, по причине неурегулированности отношений национальных общин валлонов и фламандцев. Схожие процессы наблюдаются на постсоветском пространстве.

Российский исследователь А.П. Панарин, исследуя этнокультурные процессы, выделил этноцентризм, который предполагает неразвитость, некоторую этническую замкнутость. Роль авангарда в этнокультуре выполняют политизированные филологи, поднимающие проблемы чистоты и ценностей забытых, но сегодня заново востребованных национальных ритуалов и традиций. Тема прошлого превалирует в такой риторике, она предполагает поиск утраченного времени, золотого детства нации, сладкие сны, которые пытаются воскресить [1].

В нормативном отношении проявляется отрицание экономических, политико-правовых и информационно-образовательных универсалий в пользу местных норм, местных общностей и местного опыта.

В политическом отношении это прямо ведет к нарушению правовых универсалий современного гражданства в пользу новых привилегий, связанных со статусом «титульного этноса». Деление граждан на «коренных» и «некоренных», «титульных» и «нетитульных» возвращает общество к старому сословному делению и сопутствующим этому привилегиям и дискриминациям.

Этноцентристская культура посягает на большой мир анонимных сил, пытаясь навязать современному человеку семейную модель социума, в которой повинности и привязанности, внешний долг и личная забота, понукание и попечение сливаются воедино. Такое слияние в современном мире не может носить перманентный характер: оно возможно только в периоды специфического общественного возбуждения, напоминающего общеколлективное заблуждение.

Литература:

1. Панарин, А.П. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности/ А.П. Панарин. - М., 1999. – 120 с.

АКТИВИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В СЕРЕДИНЕ 80-х гг: РЕАКЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СССР

И.И. Ковяко
БГПУ (Минск)

С 1982 г. в связи с приходом к власти в ФРГ консервативного правительства Г. Коля в Европе обострился германский вопрос. Основной вектор внешней политики ФРГ в 80-е гг. был направлен на восточные земли, ревниво оберегаемые СССР. К середине 80-х гг. стало очевидным активное стремление Западной Германии к установлению особо тесных отношений с ГДР. Эта тенденция является закономерным следствием раздельного существования немецкой нации на диаметрально противоположных полюсах мировой политики на протяжении трех с половиной десятков лет. Политика Г. Коля в отношении ГДР не имела однозначной оценки со стороны стран-победительниц во второй мировой войне. Целью данной работы является проследить реакцию Великобритании и СССР на активизацию Бонном восточной политики в середине 80-х гг., а также выявить основы позиций данных государств.

Идейная основа внешнеполитического курса ФРГ была заложена еще в марте 1983 г. в правительственной речи Г. Коля, в которой канцлер призывал «не смиряться» с существовавшим положением Германии и поддерживать «создание единства Германии и совместной германской культуры и истории» [2, с. 47]. К основам германской политики правительства причислялся договор 1954 г. и решения конституционного суда ФРГ от 1973 и 1975 гг., которые не признавали вечными и нерушимыми послевоенные границы и предусматривали возможность их изменения, но только в перспективе. Следующим камнем в строительстве курса отношений с ГДР был отчет правительства ФРГ "О положении нации в разделенной Германии" в марте 1984 г. Г. Коль заявил, что отношения ФРГ и ГДР еще далеки от нормы, а также подчеркнул, что для Бонна европейская и германская политика – это две стороны одной медали [13, p. 7]. 2 мая 1984 г. Г. Коль заявил во время выступления в Оксфорде, что «все соседи (ФРГ) должны понять – действительный, прочный мир в Европе наступит только тогда, когда немцы получат возможность самостоятельно определять свой путь в истории» [2, с. 51]. Подобные заявления канцлера Западной Германии не могли не насторожить СССР, который, однако, временно сохранял спокойствие, помня о восточных договорах, заключенных ФРГ с социалистическими странами в 70-е гг. Совершенно неожиданным для Москвы стало выступление канцлера ФРГ в сентябре 1984 г. на съезде «Союза изгнанных». Г. Коль в своей речи прямо указал, что восточные договоры «не предвосхищают решения германского вопроса» [6, с. 89]; а вскоре после этого профессор из Вюрцбурга Д. Блуменвиц констатировал, что «ни в одном из восточных договоров не установлены границы будущей воссоединенной Германии» [6, с. 90]. Реакция СССР была незамедлительной: в адрес правительства Коля посыпался град обвинений в «реваншизме», восточная политика ФРГ в этот период стала неотделима по понятиям СССР от «реваншистских устремлений». Серия публикаций в советских газетах и научных журналах того времени, посвященная рассмотрению внешней политики ФРГ, неизменно акцентировала внимание на стремлении Западной Германии силой овладеть восточными землями [2, с. 51-54; 6, с. 88-91; 7, с. 111-114; 1, с. 60-68]. В начале августа 1984 г. в связи с подготовкой визита главы правительства ГДР в ФРГ ряд советских газет поднял шумную кампанию против запланированной поездки Э. Хонеккера. Советский союз обвинял ФРГ в усилении реваншистских тенденций, имеющих целью возвращение утраченных после второй мировой войны земель. Особо подчеркивалось, что «реваншистские» устремления возросли после размещения на территории ФРГ американских ракет среднего радиуса и усиления западногерманского милитаризма в целом [13, p. 5]. Решение о размещении ракет США на территории ФРГ было принято в бундестаге еще в ноябре 1983 г. [8, с. 78] и вызвало крайне негативную реакцию со стороны СССР. ГДР не придала особого значения критическим замечаниям, исходившим со стороны советской прессы, и визит Э. Хонеккера не был отменен. Лидер ГДР выразил несогласие с позицией Москвы, будто советская коммунистическая партия опираясь на свой исторический опыт имеет право выражать несогласие и осуждать правительственные мероприятия ГДР [14, p. 6].

Реакция Великобритании на происходившие события была неоднозначной. С одной стороны, Лондон осуждал вмешательство СССР в германо-германские отношения. Английская пресса соотнесла эту политическую линию Москвы с позициями министра обороны Д. Устинова и министра иностранных дел А. Громыко, которые «стояли за кампанией, направленной на срыв формирования более тесных отношений между двумя немецкими государствами» [13, p. 5]. С другой стороны известно, что глава консервативного правительства Великобритании М. Тэтчер довольно холодно относилась к стремлению Г. Коля наладить контакты с социалистическими странами, в том числе с ГДР. Премьера настораживала прежде всего перспектива скорого политического объединения Европы, которое форсировала ФРГ с неизменным указанием на объединение Германии.

Тэтчер была не против самого объединения Германии, но ее беспокоили экономический и военно-политический аспекты этого процесса. Экономическая жизнь стран Западной Европы к

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

середине 80-х гг. была неразрывно связана с ЕЭС. Британская премьер имела все основания опасаться включения отсталой экономики ГДР в состав Сообщества. Великобритания за годы членства в ЕЭС набила много шишек и не хотела проходить этот путь еще раз даже во имя германского единства. Согласно системе формирования бюджета ЕЭС Великобритания финансировала около 20% расходов Сообщества [5, с. 194], большая часть которых вкладывалась в аграрный сектор, не имевший особого развития в Британии. В результате десятилетнего членства в ЕЭС Великобритания извлекла гораздо меньше выгод, чем Франция и ФРГ. В результате этого Британия потеряла место европейского лидера, уступив его ФРГ, чей промышленный потенциал уже на начало 80-х гг. составлял 84% французского и английского вместе взятых [9, с. 44]. В ходе ряда саммитов ЕЭС в первой половине 80-х гг. М. Тэтчер удалось добиться снижения доли Британии в бюджете Сообщества, однако отношения между Британией и Сообществом продолжали оставаться натянутыми. Тэтчер резко выступала против всякого рода радикальных изменений в структуре ЕЭС. Премьер реагировала на подобные предложения в духе того, что, прежде чем увеличивать взносы и ресурсы ЕЭС, Сообществу надо решить уже существующие проблемы, «привести дом в порядок» [10, p. 1]. Здесь проявилось и осторожное отношение к призывам Франции и ФРГ углублять политическую интеграцию в Европе. На саммите в Милане в июне 1985 г., где обсуждалась идея создания ЕС, позиция Британии осталась прежней. «Таймс» назвала французские и западногерманские идеи федерализма далекими от реальности, в чем Великобританию поддержали Дания и Греция [18, p. 7].

Что касается военно-политического аспекта объединения, то Великобритания, как и Западная Европа в целом были весьма заинтересованы во включении будущей объединенной Германии в систему НАТО. Это лишало бы СССР основной стратегической опоры на западе. На включении будущей объединенной Германии в систему ЕЭС и блок НАТО делал акцент и канцлер ФРГ. Сообщество, по словам Коля, – это «больше, чем просто банк, в который его члены вкладывают суммы в ожидании, что смогут в любое время извлечь из него большую сумму» [16, p. 6]. Канцлер также подчеркнул, что члены ЕЭС должны постоянно считать себя связанными с европейской унификацией и работать на благо политического союза Европы без всяких «если» и «но» [16, p. 6]. В призыве Г. Коля к политическому объединению Европы он указал, что европейцы должны увеличить свой вес и влияние в НАТО. Североатлантический блок и близкая дружба с США рассматривались как краеугольный камень германской политики безопасности.

Логичным следствием такого курса стала поддержка правительством ФРГ американской программы «звездных войн», или СОИ. В апреле 1985 г. Коль заявил, что данная программа является «политически необходимой и отвечает интересам безопасности Запада», а также «может дать союзу НАТО и Европе реальный шанс и в существенной мере способствовать усилению и интеграции обоих» [1, с. 65]. В ответ на это в адрес западногерманского правительства посыпался ряд обвинений в «реваншизме» со стороны СССР. Английская пресса увидела в основе советской критики «особую злость и волнение (правительства СССР) по поводу американской политики в целом и в области контроля над вооружениями в частности» и назвала это ключом к пониманию газетной кампании СССР против визита Э. Хонекера в ФРГ [11, p. 10]. Москва рассматривала западногерманский «реваншизм» как прямую угрозу суверенитету ГДР и заявляла, что ФРГ не признает законность существования ГДР, ссылаясь на то, что олимпийцы Западной Германии использовали для обозначения сборной страны термин «Германия» [12, p. 5]. Коль, реагируя на атаку в советской прессе, продолжал отрицать намерения Бонна отстаивать потерянные территории и назвал обвинения в «реваншизме» со стороны СССР нонсенсом, добавив при этом, что сама Москва прекрасно осознает ложность подобных обвинений. Канцлер также отметил, что перспектива объединения Германии рассматривается в ФРГ как «историческая задача» и лично он «будет делать все, что в его силах, чтобы соединить людей обоих германских государств мирным путем» [17, p. 4].

В основе указания на неправомерность стремления ФРГ к объединению с ГДР СССР закладывало статьи Московского договора от 12 августа 1970 г., которые фиксировали признание со стороны ФРГ существующих на момент подписания договора границ в Европе, в том числе границы между ГДР и ФРГ и исключали возможность их изменения посредством применения силы. Однако СССР упорно замалчивал факт существования «Письма о единстве германской нации», которое прилагалось к Московскому договору. В этом документе глава западногерманской делегации В. Шеель доводил до сведения советского правительства, что Московский договор «не противоречит политической цели Федеративной Республики Германии – содействовать созданию такой мирной обстановки в Европе, при которой немецкий народ путем свободного самоопределения вновь достигнет единства нации» [4, с. 328]. Как видим, стремление Г. Коля к объединению двух немецких государств мирным путем ни в коей мере не противоречило нормам международного права, на что постоянно ссылалась советская пресса.

Что касается позиции Великобритании в середине 80-х гг. по процессам европейской интеграции в целом и по германскому вопросу в частности, то следует заметить, что позиция

М. Тэтчер не всегда совпадала с позицией консервативного правительства и, особенно, Форин офиса. Тэтчер вообще не импонировал взвешенный стиль и медлительность министерства иностранных дел. Дипломатический аппарат отвечал премьеру взаимностью. Дж. Брюс-Гардин, консервативный депутат и журналист, высказал следующее мнение: «Миссия Тэтчер – быть таким премьер-министром, которого боги посылают МИД для того, чтобы действовать ему на нервы» [3, с. 259]. В связи с намерением Тэтчер оснастить британский ядерный подводный флот системами «Трайдент-2» министр иностранных дел Великобритании Д. Оуэн заявил, что Британия не сможет позволить себе этого, и добавил: «У маленькой Британии нет будущего. Все говорит в пользу сильной и сплоченной Европы. Именно с ней неразрывно связана наша судьба». Как видно, Форин офис высказывался за углубление европейских интеграционных процессов и, более того, видел в этом единственный путь дальнейшего развития стран Западной Европы.

Таким образом, реакция Великобритании и СССР на активизацию Западной Германией восточной политики ФРГ в середине 80-х гг. приобретает определенную ясность. В критической оценке действий Г. Коля со стороны М. Тэтчер просматривается опасение британского премьер-министра за положение Великобритании в будущей политической системе Западной Европы. Это было вызвано стремлением ФРГ включить после воссоединения Германии отсталую экономику ГДР в систему ЕЭС, что грозило Британии, чей капитал являлся одним из главных в формировании бюджета Сообщества, новыми экономическими трудностями. Кроме того, Тэтчер была кровно заинтересована в укреплении блока НАТО и не допускала возможности выхода единой Германии из его состава. Здесь позиция Тэтчер сходилась с позицией Коля, но наталкивалась на серьезное сопротивление со стороны СССР.

Советский Союз видел в активизации восточной политики ФРГ проявление «реваншистских» устремлений и опасался воссоединения Германии как военным, так и мирным путем. В обоих случаях главный результат был бы одинаков – СССР терял своего главного союзника на западе и вместо него приобретал потенциального противника – члена НАТО. Реакция СССР на внешнюю политику Коля была крайне негативной и сопровождалась стремлением убедить ГДР в неправомерности заявлений и действий правительства ФРГ.

Литература:

1. Кириллов, Г. Бонн: миролюбивая риторика и милитаристская практика // Международная жизнь, 1986, № 3
2. Кириллов, Г. ФРГ: реанимация «вечно вчерашних» // Международная жизнь, 1984, № 9
3. Лебедев, А. Очерки британской внешней политики (60-80-е годы). – М.: Международные отношения, 1988. – 304 с.
4. Павлов, Н. В. История современной Германии, 1945 – 2005: курс лекций/ Н. В. Павлов. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 510 с.
5. Перегудов, С. П. Тэтчер и тэтчеризм. – М.: Наука, 1996. – 301 с.
6. Полянов, Н. Опасный марш реваншистов на Рейне // Международная жизнь, 1984, № 11
7. Сокольский, С. ФРГ и СОИ // МЭ и МО, 1986, № 8
8. Федоров, В. В фарватере Вашингтона // МЭ и МО, 1984, № 1
9. Шмидт, М. ФРГ в современном мире // МЭ и МО, 1982, №4
10. Britain stands firm on principles at EEC summit // The Times. – 1984. – March, 20
11. Dear Kohl (Reagan please note) // The Times. – 1984. – August, 10
12. Defiant stand by East Germany on Honecker trip to Bonn // The Times. – 1984. – August, 11
13. East Germany ignores tirade in Soviet press // The Times. – 1984. – August, 4
14. E Germany snubs Moscow again // The Times. – 1984. – August, 8
15. Kohl cities border issue in puncturing euphoria over East German links // The Times. – 1984. – March, 16
16. Kohl points Europe to political union // The Times. – 1984. – May, 3
17. Kohl tries to calm Kremlin // The Times. – 1984. – August, 13
18. West Germany and France give substance to the dream // The Times. – 1985. – June, 28

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И БЕЖЕНЦЫ ИЗ ЮГОСЛАВИИ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

А.В. Зубарев
МГПУ им. И.П. Шамякина (Мозырь)

В к. 1980 – нач. 1990-х годов структура иммиграции в Великобританию претерпела значительные изменения, что проявилось в увеличении количества лиц ходатайствующих о предоставлении им убежища. Так, если в 1988 г. было подано 5,7 тыс. ходатайств, то в 1989 г. – 16,8

РЕПОЗИТОРИЙ МГПУ